

**Encounter with Iceberg:
Concept Formation and Misformation in Studies of Russian Politics**

Vladimir Gel'man

Lecturer in Russian Politics,
Faculty of Political Science and Sociology, European University at St.Petersburg
tel. +7-812-2755133, fax +7-812-2755139, e-mail: gelman@eu.spb.ru

Paper for the presentation at the PONARS academic conference
Nizhnii Novgorod, 31 May – 2 June 2001

Work in progress. Please do not cite or quote without author's permission

(6170 words)

Владимир Гельман

**Столкновение с айсбергом:
формирование концептов в изучении российской политики**

Encounter with Iceberg:
Concept Formation and Misformation in Studies of Russian Politics

Любое современное общество, находящееся в процессе комплексной социальной, политической и экономической трансформации (Россия здесь – не исключение), напоминает своего рода айсберг во время шторма в открытом море. Айсберг, как известно, состоит из двух частей – надводной и подводной. Надводная часть видима и доступна непосредственному наблюдению, подводная часть скрыта и недоступна для глаз. Более того, наблюдателю (не вооруженному специальными приборами и технологиями) неизвестно ни соотношение надводной и подводной частей (и, следовательно, объем айсберга в целом), ни направление дрейфа айсберга, ни возможное воздействие на него различных течений, изменений температуры, скорости и направления ветра. Следовательно, без риска разделить печальную участь «Титаника» исследователь не может заведомо утверждать, растает ли айсберг, или расколется на отдельные льдины, или останется в том же самом состоянии. Подобного рода трудности не возникают перед исследователями стабильных обществ, которые если не веками, то десятилетиями представляют собой достаточно устойчивые образования, где соотношение надводной и подводной частей в какой-то мере известно и предсказуемо. В странах Запада невидимые внешнему взгляду подводные части айсберга – такие, как теневая экономика, клиентелизм и коррупция, хотя и значительны, но не слишком сильно влияют на его судьбу: для расчета направления движения айсберга его подводной частью можно пренебречь, что и делает большинство исследователей, за исключением специалистов по данным конкретным темам. В обществах позднего социализма, напротив, подводная часть айсберга была настолько велика, что находившиеся над водной поверхностью элементы – такие, как, например, нормы советской конституции о парламентской форме правления или праве республик на выход из состава СССР – вообще не могли служить ориентиром для анализа политических процессов.

Таким образом, ученые, берущиеся за исследование айсберга переходного общества, должны самостоятельно выработать адекватный этой задаче инструментарий.

Нельзя сказать, что такая задача является совершенно новой, по крайней мере, для политологов. Сходные проблемы оказались на повестке дня сравнительной политологии, когда в свое время она оказалась перед необходимостью осмысления процессов политического развития в незападных обществах, прежде всего – в странах «Третьего мира». На определенном этапе политологам стало ясно, что изучение политических систем этих стран невозможно ни с помощью прямого переноса схем и моделей, разработанных на материале стран Запада, ни с помощью выработки особых подходов, призванных объяснить уникальность конкретных случаев. Неудивительно, что эндогенно возникающая сегодня среди российских обществоведов методологическая рефлексия¹ имеет немало сходного с дебатами 1960-70-х годов среди западных компаративистов. Поэтому в качестве гида в ходе анализа проблемы, которую можно назвать «столкновение с айсбергом», кажется вполне уместной известная статья Джованни Сартори «Concept Misformation in Comparative Politics».² Опираясь на некоторые методологические приемы и суждения, высказанные в этой статье, я намерен проанализировать причины неудачного применения существующих и/или новых концептов при изучении современной российской политики. Я хотел бы также предложить некоторые способы, которые, если и не помогут исследователям избежать столкновения с айсбергом, то, по крайней мере, стимулируют поиск более успешных решений данной задачи.

Симптомы: «несознательные» и «сверхсознательные» исследователи

Вслед за Сартори можно условно разделить исследователей российской политики (как российских, так и зарубежных) на две большие категории – в зависимости от того, в какой мере они озабочены решением теоретических и методологических проблем. Для «несознательных» (unconscious) мыслителей таковые проблемы попросту отсутствуют. Предполагается «по умолчанию», что теория и метод уже разработаны ранее; задача исследования состоит лишь в правильном их применении. Такие ученые (по мнению Сартори, составляющие большинство в научном сообществе политологов) в наибольшей степени

уязвимы в отношении возможного столкновения с айсбергом. Последствия «несознательного» подхода, однако, могут быть как умеренными, так и просто катастрофическими.

Стандартные неудачи «несознательных» исследователей обычно связаны с потерями информации в количественных кросс-национальных сравнительных исследованиях, когда интерпретация данных практически исключает учет контекста конкретных обществ. Такого рода ситуации, впрочем, случаются повсеместно и отнюдь не составляют специфику исследований России. Куда как большую угрозу представляет не неверная интерпретация данных, но применение концептов, основанное на неверных теоретических посылах. Так случилось с Николаем Петро, написавшим хвалебную статью об «истории успеха» реформ в Новгородской области.³ Пытаясь объяснить тенденции политического развития этого отдельно взятого российского региона, он использовал теорию «гражданской включенности» и социального капитала, ставшую модной после публикации книги Роберта Патнэма «Чтобы демократия сработала».⁴ Вычислив, по методике Патнэма, число общественных организаций на душу населения в Новгородской области, исследователь пришел к выводу о том, что этот российский регион вполне сравним с «гражданской» (по Патнэму) Северной Италией,⁵ и, следовательно, успех демократии и рыночных реформ в Новгороде связан с достижениями развитого «гражданского общества». По иронии судьбы, эта статья вышла в свет в сентябре 1999 года. Как раз в этот период губернатор Новгородской области Михаил Прусак инициировал проведение внеочередных губернаторских выборов, на которых набрал свыше 90% голосов избирателей при отсутствии реальных конкурентов и при единодушном одобрении всей «гражданственной» общественности региона.⁶ Очевидно, что в этом случае даже взятый из «правильной» теоретической модели эмпирический показатель не мог служить критерием демократической «гражданственности» в неконкурентной политической среде. Заведомо полагая, что членство в союзах и ассоциациях суть проявления «гражданского общества», автор упустил из поля зрения не только наследие советских традиций мобилизованного массового участия, но и новые функции общественных организаций в постсоветской России (например, содействие в обналичивании денег).⁷ В итоге ценность всего исследования как такового оказалась сведена на нет.

Такого рода исследовательские неудачи вызваны не только эмпирическими ошибками (как в данном случае – выбор неверных индикаторов): скорее, эмпирические ошибки здесь, являются следствием общего подхода к проблеме. Дело в том, что «несознательные» исследователи, как правило, выбирают лишь те познавательные инструменты, которые доступны для проверки ранее сформулированных и, говоря словами Сартори, «кочующих» гипотез, познавательная ценность которых априори не подлежит сомнению. В этот момент и может произойти столкновение с айсбергом, поскольку его подводная часть не принимается во внимание. Например, Дэниэл Трейсман в исследовании становления федерализма в России решил проанализировать, как повлияла финансовая политика Центра в отношении российских регионов на массовое электоральное поведение.⁸ Проще говоря, смогло ли федеральное правительство купить лояльность провинциальных избирателей за счет денежных вливаний в отдельные регионы? Тщательный количественный анализ приводит Трейсмана к утвердительному ответу на этот вопрос. Но трудно говорить о том, насколько обоснованы его выводы, если все исследование основано лишь на статистике принимаемых ежегодно федеральных бюджетов без учета внебюджетных фондов, бартера, взаимозачетов, перераспределения прав собственности и, last but not least, без анализа того, как принятый на бумаге бюджет исполнялся на самом деле.

Подводная часть айсберга сама по себе накладывает существенные ограничения на выбор эмпирических инструментов, но одновременно и стимулирует ряд «сознательных» исследователей к поиску иных познавательных средств. Так, этнографические подходы эффективны для изучения феноменов блата⁹ или теневой экономики¹⁰ в России, а сравнительно-исторический анализ позволяет переосмыслить природу, функции и динамику патронажа и клиентелизма.¹¹ Но при этом не следует забывать и опасность другой крайности. Постоянно теоретически и методологически рефлексирующий исследователь может превратиться в «сверхсознательного» (overconscious) мыслителя, который, по словам Сартори, «отказывается говорить о температуре, не имея градусника».¹² «Сверхсознательный» исследователь, в отличие от своего «несознательного» коллеги, отдает себе отчет в опасности столкновения с айсбергом именно из-за отсутствия познавательного инструмента, равно пригодного для анализа как надводной, так и подводной части айсберга. Идеи не только не критического, но

и почти любого заимствования чужих концептов он отвергает со всей решительностью. Например: «речь идет о перенесении англо-американского «извода» политической науки на российскую почву, изготовления собственного «извода» путем «перевода»... заниматься этим делом должен не кто попало, а специалисты – англисты и американисты».¹³ Это обстоятельство приводит его к попыткам избежать столкновения с айсбергом любой ценой. Самый простой путь здесь – вообще отказываться отвечать на вопрос «почему?» Растущие как грибы после дождя массивы литературы, посвященной изучению «фоновых практик», «дискурсов» и прочему «социальному конструированию реальности» в России ярко характеризуют расцвет этого подхода. Его масштабы сегодня заставляют усомниться в обоснованности мнения Сартори о том, что «сверхсознательные» мыслители составляют меньшинство в научном сообществе. Но эта категория исследований не является предметом настоящего анализа.

Разумеется, никто не мешает посчитать айсберг «социальным конструктом» и на этом основании отказаться от анализа презренной ледяной реальности. Но обойти проблему – отнюдь не значит ее решить. Самые продвинутые «сверхсознательные» исследователи отдают себе в этом отчет и пытаются создать всеобщий и универсальный инструмент, пригодный для анализа не только надводной и подводной частей айсберга, но едва ли не всех явлений политической и общественной жизни. Так возникают некоторые теоретические конструкции, стремящиеся объяснить «особый путь» России, все ее прошлое, настоящее и будущее самыми различными первопричинами. На эту роль претендуют то «длинные волны» Кондратьева,¹⁴ то «расколота культура» страны со времен Киевской Руси,¹⁵ то принадлежность России к «неправильной» православной цивилизации (с тех же времен).¹⁶ Почти мистический характер этих объяснений завораживает многих «несознательных» исследователей, которые порой принимают их как истину в последней инстанции и репродуцируют не только на уровне эмпирического анализа, но и в качестве оправдания статус-кво.

Неудивительно, что такого рода суждения становятся достоянием не только и не столько научного сообщества, но и элементом повседневности. Об этом, например, свидетельствуют наблюдения автора этих строк, сделанные лет пять назад в одном российском областном центре, Среднегорске. Город произвел

впечатление настолько неухоженного, что в беседе с вице-мэром я не удержался от вопроса, почему же вокруг так грязно. Мой собеседник, нимало не смущаясь, ответил, что-де «у нас в регионе такая политическая культура». Некогда в деревнях, расположенных на этой территории, не делали выгребные ямы, а выкидывали мусор прямо из окон на улицу. Первоначально я воспринял это объяснение как своеобразный юмор, но спустя два дня во время посещения местного музея деревянного зодчества услышал от экскурсовода ровно то же обоснование, к тому же весьма наглядно продемонстрированное экспонатом (избой). Стиль презентации данного тезиса не оставлял сомнений в том, что «политическая культура» является среди среднегорцев доминирующей парадигмой в изучении причин городской грязи и никакие иные причины не могут рассматриваться всерьез. В такой ситуации приходится констатировать, что айсберг раздавил своей глыбой «Титаник». Исследователи политической культуры (по крайней мере, в Среднегорске) могут отдыхать...

Диагноз: концептуальные натяжки

Итак, столкновение с айсбергом происходит, прежде всего, в силу неверного формирования тех или иных теоретических концептов (concept misformation). В данном случае это понятие включает в себя два различных явления со сходными последствиями. 1) Формулирование концептов, которые сами по себе обладают низкой познавательной ценностью. 2) Неадекватное применение концептов для решения конкретных познавательных задач. Если с первым явлением все более или менее ясно, то второе нуждается в уточнении. Те или иные концепты, однажды доказавшие свою состоятельность, не могут быть хороши или плохи, применимы или неприменимы «вообще». Их выбор в качестве оснований для исследования определяется разрешающей способностью, которая, однако, может оказаться высокой в одних случаях и низкой в других. Попытки же придать таким концептам характер объяснения раз и навсегда на все случаи жизни приводят к эффекту, который Сартори обозначил как «концептуальные натяжки» («conceptual stretching», «conceptual straining»).¹⁷ Иными словами, при расширении круга исследуемых явлений концепт становится столь аморфным, что смысл его значения теряется, если не изменяется до неузнаваемости, а сравнительный анализ ведет к утверждениям типа «люди и рыбы похожи,

потому что и те, и другие умеют плавать».¹⁸ Сартори в своей статье, в частности, подверг критике «натяжки» ряда популярных концептов как ограниченных опытом изучения стран Запада. Составленный Сартори своего рода «черный список» таких натянутых концептов включает 26 позиций. Среди них: «выработка политического курса», «мобилизация», «разрешение конфликтов», «демократизация» и т.д.¹⁹ Нет нужды говорить о том, что концептуальным натяжкам подвержены как «несознательные», так и «сверхсознательные» исследователи, хотя и в силу прямо противоположных причин.

Изучение современной российской политики вносит свой вклад в создание концептуальных натяжек. С одной стороны, на эту роль претендуют общепризнанные концепты, некритическое использование которых подчас приводит исследователей к столкновению с айсбергом. Пример такого рода оперирования концептами «гражданское общество» и «социальный капитал» – красноречивое тому свидетельство. С другой стороны, постсоветский научный и политический «новояз» породил немало новых натянутых концептов. До середины 1990-х годов показательным в данном отношении был концепт «номенклатуры»: это зонтичное понятие охватывало всех без исключения представителей прежней советской элиты.²⁰ Концепт оказался столь широк, что вышел за рамки научного дискурса, и, например, Егор Гайдар в своих мемуарах в качестве едва ли не основной причины неудач экономических реформ назвал сопротивление со стороны номенклатуры.²¹ Познавательная ценность концепта «номенклатуры» оказалась невелика: он не мог объяснить ни эффекты смены поколений в элите, ни конфликты между различными ее сегментами.²² Неудивительно, что к концу 1990-х годов «номенклатура» оказалась вытеснена новым (но не в меньшей мере натянутым) концептом «партии власти».²³

Сартори характеризует появление концептуальных натяжек как своего рода падение ученого с «лестницы абстракций» (ladder of abstraction), когда один и тот же концепт сводит в единое целое элементы макротеорий, теорий среднего уровня и микротеорий. Эту критику взяли на вооружение Дэвид Кольер и Стивен Левицки, которые подвергли детальному анализу расплодившиеся в последнее десятилетие концепты «демократий с прилагательными»²⁴ (типа ставшей известной в России «делегативной демократии» Гильермо О’Доннелла).²⁵ Они отметили, что в основе ряда подобных концептов лежит смешение «ключевого концепта» (root concept) и «дробного подтипа» (diminished

subtype). Это приводит к тому, что «демократии с прилагательными» обладают небольшой познавательной ценностью. Они обозначают слишком широкий класс явлений, но при этом не позволяют провести достаточных различий между ними и характеризуют, скорее, следствия, нежели причины их возникновения. Данный пример концептуальных натяжек не является специфически российским, хотя такие формулы отечественного политологического слэнга, как «управляемая демократия»²⁶ или «манипулятивная демократия»,²⁷ вполне могли бы пополнить собой этот ряд. Но так же, как и зарубежные аналоги, эти концепты, по словам Михаила Афанасьева, «штопают негодную схему».²⁸

В ряде случаев смешение уровней абстракции дополняется и известным нормативным уклоном (bias) многих исследователей. Собственно, этот недостаток присущ всей политологии со времен типологии форм правления Аристотеля. Но, пожалуй, ни в одной из отраслей политологического знания отсутствие ценностной нейтральности не проявляется в большей мере, чем в исследовании российской политики. Это относится к работам как зарубежных, так и российских ученых (несмотря на то, что причины этих явлений различны на Западе и у нас). Сочетание нормативного уклона и неудачного подъема (или спуска) по «лестнице абстракций» может привести ученого к столкновению с айсбергом. Например, Ричард Саква, критикуя политическое развитие России 1990-х годов, дает характеристику ее политического устройства как «режимной системы».²⁹ Он соединяет в один концепт категории среднего уровня (политический режим) и макроуровня (политическая система) с негативными коннотациями, стремясь подчеркнуть ущербный характер нового строя. Но более суровые критики ельцинского правления Игорь Клямкин и Лилия Шевцова эти оценки, видимо, сочли недостаточными. И вот уже на смену «режимной системе» приходит более хлесткое определение: «внесистемный режим».³⁰ Концепту «политического режима» в России вообще не повезло, поскольку понятие «режим» употреблялось долгое время, прежде всего, как обозначение порядка содержания заключенных.³¹ И вот уже Юрий Лужков накануне парламентской избирательной кампании блока «Отечество – Вся Россия», хмуро насупившись, заявляет о том, что в России нет политической системы, а есть «режим». Наклеить ярлык на противников – важная задача для политиков в ходе предвыборной борьбы. Но вряд ли такую задачу имеет смысл ставить перед собой исследователям.

Недостаток нормативного уклона состоит в том, что он не позволяет осмыслить новые явления и стремиться втиснуть их в прокрустово ложе устоявшихся схем, непригодных для решения конкретной исследовательской задачи. При таких концептуальных натяжках ученые рискуют выдать желаемое за действительное, как в случае новгородской «истории успеха». Это исследование исходило из априорного и освященного авторитетами де Токвиля и Патнэма тезиса о том, что «гражданское общество» и «социальный капитал» способствуют успеху демократии и хорошего правления (*good governance*). Такая логика имплицитно предполагает, что демократия и хорошее правление либо уже имеются в наличии, либо, по крайней мере, являются некоей не подвергаемой сомнению целью развития общества (на манер «строительства коммунизма»). Очевидно, что в Новгородской области первое условие отсутствует (как минимум, нет конкурентных выборов), а второе может служить не предпосылкой, а всего лишь гипотезой. Но если так, то «гражданское общество» и «социальный капитал» нельзя рассматривать как категории, позитивные или негативные *per se*. Они являются не более чем, соответственно, формой и механизмом самоорганизации индивидов. В одних политических контекстах эти явления могут иметь отношение к демократии и хорошему правлению, а в других – не иметь. Так, Омар Энкарнасьон пишет, что деятельность общественных объединений в Африке весьма далека от идеалов де Токвиля, а развитое гражданское общество в Веймарской Германии не в последнюю очередь облегчило нацистам мобилизацию масс.³² Что же касается России, то имеются весомые эмпирические свидетельства того, что на уровне массового поведения «социальный капитал» представляет собой главным образом ресурс для того, чтобы кое-как выходить из положения (*muddling through*),³³ а за фасадом организаций «гражданского общества» может скрываться отнюдь не «гражданская культура».³⁴

Пожалуй, лидером в номинации концептуальных натяжек следует признать концепт политической культуры. Этот концепт в его «классическом» варианте Алмонда и Вербы³⁵ и ранее критиковался за нормативный уклон, доходящий до телеологизма,³⁶ и за неэффективность при решении эмпирических задач. Иначе говоря, объяснения тех или иных процессов с помощью концепта политической культуры носят, по словам Рут Лэйн, характер «остаточной категории».³⁷ Так, согласно им, демократия в России не приживается, потому что такова ее политическая культура, а политическая культура, в свою очередь, не может стать

демократической из-за слабой укорененности демократии.³⁸ Более того, попытки выделить в рамках концепта гипотезы, поддающиеся эмпирической проверке, усугубляют риск падения с «лестницы абстракций». В самом деле, меняется ли политическая культура России (и если да, то как) или она остается неизменной сквозь десятилетия и века? Можно ли выделить в ее рамках некие более или менее устойчивые субкультуры (и если да, то какие)? Связаны ли между собой (и если да, то как) политические ценности и установки с реальным политическим поведением? Дискуссии на эту тему, начатые еще в 1970-80-е годы западными советологами,³⁹ и сегодня далеки от завершения.⁴⁰

Следует признать, что бурный рост объема эмпирических данных за последнее десятилетие пока не привел к углублению теоретического осмысления проблемы. Хотя мы узнали много интересного о «двоемыслии» или «лукавстве» «человека советского» и «человека постсоветского»,⁴¹ но невозможно, исходя из концепта политической культуры как самодостаточного, выявить причины и следствия динамики политического поведения россиян. Исследователь, анализирующий тенденции электорального поведения в России, в той или иной мере вынужден использовать теории рационального выбора.⁴² Разрыв между высокой готовностью к протесту и низким уровнем реальной протестной активности россиян можно объяснить лишь с применением теорий коллективного действия и/или структуры политических возможностей.⁴³ Сфера применимости концепта политической культуры в изучении российской политики, таким образом, сужается до анализа чисто психологических явлений. Конечно, такие категории концепта политической культуры, как нормативные и когнитивные политические установки,⁴⁴ диффузная и специфическая поддержка политической системы,⁴⁵ сохраняют свою значимость и в этом случае, но лишь до тех пор, пока нас интересует, что люди **думают** о политике. В то же время для анализа реальных политических процессов несоизмеримо важнее то, что люди **делают**. Но как раз в этом случае концептуальные натяжки политической культуры оказываются почти непреодолимыми. Если «сверхсознательные» исследователи ищут выход, создавая аналитические схемы, подобные описанным выше объяснениям причин грязи в Среднегорске, то их «несознательные» коллеги попросту репродуцируют эти концептуальные натяжки в бесконечных цифрах и интерпретациях. Можно с большой долей вероятности утверждать: исследователь российской политики, выбирающий в

качестве карты своего исследования концепт политической культуры, почти неизбежно столкнется с айсбергом.

Наконец, помимо нормативного уклона и смешения уровней абстракции, концептуальные натяжки возникают и в силу неверного построения логических схем анализа. Так, использование многих идеальнотипических конструкций построено по принципу бинарных оппозиций (например, «община – общество» «универсализм – партикуляризм», «традиционное – современное» и т.д.). Эти категории логически связаны друг с другом по принципу «игры с нулевой суммой». Но не стоит распространять этот принцип на взаимосвязь всех без исключения концептов. Так, в ходе избирательного цикла 1999-2000 годов высказывалось суждение о том, что отношения государства и общества в процессе выборов представляют собой «игру с нулевой суммой».⁴⁶ Однако ослабление общества не ведет автоматически к усилению государства, и наоборот.⁴⁷ Логика анализа российской политики как «игры с нулевой суммой» обнаруживает свою явную неполноту и недостаточность в особенности в политической и экономической инженерии, когда оказывается, что из отрицания «плохого» отнюдь не следует автоматически появление чего-то «хорошего». И тогда «вдруг» выясняется, что ограничение полномочий российского парламента не создает само по себе успешного механизма работы исполнительной власти,⁴⁸ что крушение господства коммунистической партии не создает само по себе демократического строя, а ликвидация советской системы хозяйствования не создает сама по себе эффективной рыночной экономики. Авторы коллективной монографии «Трансформация экономических институтов в постсоветской России» отмечают с горькой иронией: «Россия не та страна, где что-то меняется к лучшему само по себе».⁴⁹ Добавим в этой связи: «по умолчанию» (by default) случаются разве что дефолты...

Вероятно, концептуальные натяжки и вызванные ими столкновения с айсбергом естественны, когда исследователь стремится к теоретизированию на основе ограниченных эмпирических данных. Столкновения с айсбергом даже могут быть вполне продуктивны, поскольку позволяют извлечь уроки того, как НЕ надо изучать российскую политику (и политику вообще). Но поскольку каждый ученый решает свои научные задачи, постольку каждому угрожает столкновение со своим айсбергом. Поэтому можно лишь пытаться снизить риски и возможные последствия этих столкновений.

В поисках лекарства

Скорее всего, трансформационный процесс в России будет продолжаться достаточно долго. Это означает, что большинство айсбергов сами собой не растают, и опасность столкновения с ними носит структурный, а не только содержательный характер. Непосредственные выводы из этого очевидного факта таковы:

Во-первых, не стоит стремиться найти универсально пригодное для всех исследователей средство, которое поможет раз и навсегда избежать любых столкновений с любыми айсбергами. То, что件годно для одних случаев, не всегда件годно для других, то, что успешно сегодня, не всегда будет таковым завтра, и т.д. Времена *grand theories*, похоже, ушли навсегда, а попытки их замены новоявленными натянутыми концептами (любого уровня абстракции) или объяснениями *ad hoc* контрпродуктивны.

Во-вторых, необходимо отказаться от нормативного уклона, не позволяющего реалистически оценить перспективы политического развития. Как бы сильно не желали политологи, например, превращения России в сильное государство с верховенством права (*rule of law*), это время, если и наступит, то явно не скоро. Обличение реальных или воображаемых виновников такого положения дел не приблизит нас к осмыслению причин и следствий этих явлений. Точно так же можно предположить, что в стране нескоро появятся формы политической самоорганизации, которые будут соответствовать идеалам де Токвиля и Патнэма. И не стоит заниматься их поисками, как это пытаются апологеты «гражданского общества»⁵⁰ (здесь вспоминается данный по иному поводу совет Александра Солженицына: «не искать сметану в дерьме»). Напротив, есть все основания считать, что массы в российской политике надолго останутся не более чем ресурсами в руках тех или иных сегментов элит и будут значить что-либо лишь постольку, поскольку это нужно последним. Отсюда следует, что не следует без нужды сравнивать российскую политику с нормативным идеалом «хорошего правления», лишний раз ужасаясь отклонениям от нормы. Здесь можно провести параллели с изучением сексуальности: прогресса в исследовании однополрой любви трудно достигнуть до тех пор, пока ученые рассматривают ее исключительно как извращение.

В-третьих, старый добрый принцип Оккама тем более актуален в изучении российской политики, где число концептов разного уровня абстракции растет с каждым годом по мере изменения текущей политической ситуации. В самом деле, «режимная система» или «внесистемный режим» не только не помогают осмыслить закономерности российской политики, но лишь увеличивают шансы столкновения с айсбергом при их использовании для анализа механизмов принятия политических решений или эффективности политического курса. Концептуальные натяжки возникают как раз там, где категории исследования не были сведены к необходимому и достаточному минимуму.

В-четвертых, наконец, весьма полезными выглядят рекомендации Сартори, который в духе Мертона советовал исследователям развивать дисциплину на среднем уровне абстракций, максимально используя промежуточные категории анализа, с тем, чтобы свободно перемещаться вверх и вниз по «лестнице абстракций», тем самым связывая друг с другом макротеории и эмпирическое знание.⁵¹ Выбор же познавательных инструментов среднего уровня зависит от конкретных научных задач, и нет оснований полагать, что одни теории будут непременно лучше других. Как справедливо заметил в этой связи Вадим Радаев, не стоит обожествлять ни лопату, ни экскаватор – это не более чем орудия для того, чтобы копать ямы.⁵² Но все же неоинституциональный подход (особенно в своей «исторической» и «социологической» версиях) предлагает наиболее приемлемый (на сегодняшний день) выбор средств для формирования теорий среднего уровня в изучении российской политики.⁵³ Неудивительно, что он становится доминирующим в западных исследованиях современной российской политики⁵⁴ и постепенно завоевывает все более прочные позиции среди российских экономистов⁵⁵ и социологов (в отличие от политологов).⁵⁶ Правда, как это часто бывает, на вооружение берутся одни элементы теории, связанные с институциональной инерцией и исторической обусловленностью (path dependency), в то время как другие (институциональные изменения) остаются в тени внимания.⁵⁷ Но в целом выбор в качестве основной категории анализа институтов, то есть системы формальных и неформальных норм и правил в обществе,⁵⁸ открывает возможность продвижения по «лестнице абстракции». Принципиально важно, что в отличие от многих иных бинарных оппозиций, формальные и неформальные институты не только находятся во взаимной оппозиции, но и очевидно дополняют друг друга, что дает основания для

одновременного анализа и для сравнения надводной и подводной частей айсберга как между собой, так и с другими айсбергами. Мне уже приходилось писать, что «там, где не работают суды и налоговая инспекция, уплата налогов и возврат долгов осуществляется с помощью силового предпринимательства; там, где правительство не подотчетно парламенту, основные решения принимаются не выбранными представителями граждан, а в узком кругу «семьи»; там, где политические партии неспособны осуществлять политическую взаимосвязь элит и масс, их функции выполняют основанные на массовом клиентелизме «политические машины» и т.д. Современная постсоветская политика дает немало примеров такого рода замещения формальных институтов неформальными (достаточно вспомнить принятие решения о начале войны в Чечне в 1994 году или кампанию по переизбранию Ельцина Президентом России в 1996 году)».⁵⁹

Продвигаясь с помощью категории институтов вниз по «лестнице абстракций», мы можем реконструировать отдельные концепты, снимая или, по крайней мере, уменьшая их натяжки. Так, в ходе нашего исследования «Россия регионов»⁶⁰ ключевой концепт политического режима был «переведен» на язык неинституционализма. Мы использовали для его анализа понятия «композиция акторов» и «преобладающий тип институтов», что позволило создать весьма простую и оказавшуюся пригодной для решения задач исследования типологию политических режимов. При этом выяснилось, что можно описать российский политический режим 1990-х годов через преобладание неформальных институтов над формальными, не прибегая к концептуальным натяжкам типа «режимная система» или «внесистемный режим». Вероятно, и политическая культура (как и культура вообще) могла бы найти свое место на «лестнице абстракций» неинституционального анализа, если рассматривать ее в качестве политически релевантных образцов поведения, задаваемых неформальными институтами. Спускаясь дальше по «лестнице абстракций», мы можем придать значение и более дробным подтипам, включая, например, частный случай политической культуры – «ментальные модели», которые облегчают принятие решений в ситуации множественного выбора. В свою очередь, частным случаем последних может служить политическая идеология.⁶¹

Неинституционализм помогает и в решении другой важной проблемы – адекватном выборе сравнительных референтов для исследований российской

политики. В то время как многие «несознательные» исследователи, следуя нормативному уклону, пытаются сравнивать Россию с современным Западом, их «сверхсознательные» коллеги вообще отказываются от сравнения, признавая нашу страну единственной и неповторимой «Русской Системой».⁶² Как в том, так и в другом случае столкновение с айсбергом весьма вероятно. Между тем изучение формальных и неформальных институтов позволяет почерпнуть немало полезного при сравнении государственного строительства в нынешней России с формированием национальных государств в Западной Европе,⁶³ а региональные «политические машины» – с аналогичными явлениями в США конца XIX – начала XX века⁶⁴ или, например, современными Филиппинами.⁶⁵ Таким образом, исследователь может в полной мере использовать возможности сравнительного (в том числе сравнительно-исторического) анализа российской политики. Это предполагает: 1) разработку теоретической модели (моделей) среднего уровня абстракций, 2) контекстуализацию анализа и связанное с ней ограничение числа изучаемых переменных; 3) выбор стратегий сравнения по принципу «максимально различия с одинаковым исходом» (MDSO) и/или «максимального сходства с различным исходом» (MSDO).⁶⁶ В результате появляется возможность решить проблему сверхдетерминации, когда различные независимые переменные предстают в качестве конкурирующих объяснений исследуемого феномена.⁶⁷

Было бы ошибкой придавать данным методологическим тезисам характер своего рода панацеи от всех бед. Сравнительное изучение российской политики является динамическим процессом, который можно представить в виде «исследовательского цикла»,⁶⁸ причем отдельные тематические направления находятся на разных этапах его развития. Поэтому неудивительно, что логика развития «исследовательского цикла», скажем, при анализе электорального поведения, будет отличаться от изучения бюрократии. Важно другое: успех в изучении российской политики возможен (хотя совсем не обязателен) только при условии, если удастся разорвать порочный круг, сформулированный в известной строке Тютчева «умом Россию не понять». На протяжении слишком долгого времени и «несознательные», и «сверхсознательные» исследователи воспринимали эту фразу слишком буквально. Лучшие из первых пытались понимать Россию не своим, а чужим умом. Лучшие из последних пытались превратить свое индивидуальное понимание России (в смысле веберовского

Verstehen) в уникальное искусство, неповторимое иными исследователями. Об отказе от понимания вообще или о попытках понять Россию чем угодно, но только не умом, и говорить не стоит.

Стремление понять Россию своим умом, возможно, не снизит риск возможного столкновения с айсбергом. Более того, выбор в пользу такого подхода, вероятно, очень плохой. Но, перефразируя известное высказывание Черчилля о демократии, можно сказать, что все остальные способы избежать столкновения с айсбергом еще хуже.

И последнее: по словам коллег, недавно побывавших в Среднегорске, город внешне явно изменился к лучшему, и грязи на улицах стало гораздо меньше. А совсем недавно заведующая кафедрой политологии местного университета подарила мне свое учебное пособие, озаглавленное... «Политическая культура». Перелистав страницы главы о политической культуре Среднегорья, я не обнаружил упоминаний о местных традициях уборки мусора. Мое недоумение по обоим этим поводам среднегорцы объяснили просто. Недавно в городе выбрали нового мэра, который смог успешно наладить работу коммунальных служб. Что же до политической культуры региона, то она этим изменениям, по всей видимости, не препятствовала.

Кажется, один маленький айсберг начинает таять... Но сколько еще остается других айсбергов, с которыми можно столкнуться на пути познания?

© В.Я.Гельман, 2001

Примечания

Автор благодарит участников семинара «Политическая культура» Европейского Университета в Санкт-Петербурге за критические замечания к ранней версии настоящей работы.

¹ См., например: Богатуров А. Десять лет парадигмы освоения // *Pro et Contra*, 2000, т.5, N1, С.195-201; Пантин В. Сможет ли российская наука понять, что происходит в России // *Pro et Contra*, 2000, т.5, N2, С.138-148; Радаев В. Есть ли шанс создать российскую национальную теорию в социальных науках // *Pro et Contra*, 2000, т.5, N3, С.202-214.

² Sartori G. Concept Misformation in Comparative Politics // *American Political Science Review*, 1970, vol.64, N4, P.1033-1053.

³ Petro N. Novgorod Region: A Russian Success Story // *Post-Soviet Affairs*, 1999, vol.15, N3, P.235-261.

⁴ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. М.: Ad Marginem, 1996.

⁵ Petro N., *Op.cit.*, P.243-244.

⁶ Например, Тату Ванханен относит к недемократическим все выборы, на которых иные кандидаты, нежели инкубент, в совокупности набрали менее 30% голосов. См. Vanhanen T. *Prospects for Democracy. A Study of 172 Countries*. London and New York: Routledge, 1997, P.41.

⁷ Афанасьев М. Клиентелизм и российская государственность. 2-е издание. М.: МОНФ, 2000, С.18-19.

⁸ Treisman D. *After the Deluge. Regional Crises and Political Consolidation in Russia*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1999.

⁹ См. Ledeneva A. *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking, and Informal Exchanges*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

¹⁰ См. Клямкин И., Тимофеев Л. *Теневая Россия*. М.: РГГУ, 2000.

¹¹ См. Афанасьев М., *Ук.соч.*

¹² Sartori G., *Op.cit.*, P.1033.

¹³ Генеральный директор журнала «Полис», президент Российской ассоциации политических наук М.Ильин (www.politstudies.ru/board/4.html)

¹⁴ Пантин В., *Ук.соч.*, С.146-147.

¹⁵ Ахиезер А. *Россия: критика исторического опыта*. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.

¹⁶ Huntington S. *The Clash of Civilizations and Remaking of the World Order*. New York: Simon and Schuster, 1996.

-
- ¹⁷ Sartori G., *Op.cit.*, P.1034.
- ¹⁸ *Ibid.*, P.1052.
- ¹⁹ *Ibid.*, P.1048-1049 (fn.54).
- ²⁰ См. Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность*, 1995, N1, С.51-65; Kryshstanovskaya O., White S. From Soviet Nomenklatura to Russian Elite // *Europe-Asia Studies*, 1996, vol.48, N5, P.711-733.
- ²¹ См. Гайдар Е. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1996.
- ²² Критику концепта «номенклатуры» см. Lane D. Transition under Eltsin: The Nomenklatura and Political Elite Circulation // *Political Studies*, 1997, vol.45, N5, P.855-874; Hughes J. Sub-National Elites and Post-Communist Transformation in Russia; A Reply to Kryshstanovskaya and White // *Europe-Asia Studies*, vol.49, N6, P.1017-1036.
- ²³ Критику широкого определения «партии власти» см. Голосов Г., Лихтенштейн А. «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // *Полис*, 2001, N1 (в печати).
- ²⁴ Collier D., Levitsky S. “Democracy with Adjectives”: Conceptual Innovations in Comparative Research // *World Politics*, 1997, vol.49, N3, P.430-451.
- ²⁵ О’Доннелл Г. Делегативная демократия // *Пределы власти*, 1994, N2-3, С.52-69.
- ²⁶ Третьяков В. Россия: последний прыжок в будущее // *Независимая газета*, 2000, 24 февраля, С.8.
- ²⁷ Марков С. Манипулятивная демократия // *Независимая газета*, 2000, 2 марта, С.8.
- ²⁸ Афанасьев М. Ук.соч., С.5.
- ²⁹ Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России // *Полис*, 1997, N1, С.61-82.
- ³⁰ Клямкин И., Шевцова Л. *Внесистемный режим Бориса II*. М.: Московский центр Карнеги, 1999.
- ³¹ В ходе нашего исследования региональных политических режимов в России один из участников проекта даже предложил возможную типологию политических режимов в Магаданской области: «общий режим», «строгий режим» и «особый режим». В каждой шутке есть доля правды...
- ³² Encarnacion O. Tocqueville’s Missionaries. Civil Society Advocacy and the Promotion of Democracy // *World Policy Journal*, 2000, vol.17, N1, P.9-18.
- ³³ Роуз Р. Россия как общество песочных часов: конституция без граждан // *Конституционное право: Восточноевропейское обозрение*, 1995, N3, С.2-9; Роуз Р. Жизнь в антисовременном обществе // *Конституционное право: Восточноевропейское обозрение*, 1999, N3, С.15-21.

-
- ³⁴ Критический анализ концепта «гражданское общество» в России см., например: Хлопин А. Гражданское общество или социум клик: российская дилемма // *Полития*, 1997, N1(3), С.7-27; *Pro et Contra*, 1997, т.2, N4 (выпуск «Гражданское общество»); Шевченко Ю. Между гражданским обществом и авторитарным государством (о пользе политических партий в России) // *Pro et Contra*, 2000, т.5, N1, С.159-173.
- ³⁵ Almond G., Verba S. *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1963.
- ³⁶ См., например: Pateman C. *The Civic Culture: A Philosophic Critique* // Almond G., Verba S. (eds.) *The Civic Culture Revisited*. Newbury Park and London: Sage, 1980, P.57-102.
- ³⁷ Lane R. *Political Culture: Residual Category or General Theory* // *Comparative Political Studies*, 1992, vol.25, N3, P.362-387.
- ³⁸ Критику подобных объяснений слабости политических партий в России см. Голосов Г. *Партийные системы России и стран Восточной Европы*. М.: Весь мир, 1999, С.5.
- ³⁹ См., например: White S. *Political Culture and Soviet Politics*. London: Macmillan, 1979; Brown A. (ed.). *Political Culture and Communist Studies*. London: Macmillan, 1984.
- ⁴⁰ См. обзор: Fleron F. *Post-Soviet Political Culture in Russia: An Assessment of Recent Empirical Investigations* // *Europe-Asia Studies*, 1996, vol.48, N2, P.225-260.
- ⁴¹ См. *Советский простой человек* / под ред. Ю.Левады. М.: Мировой океан, 1993; Левада Ю. *От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993-2000*. М.: Московская школа политических исследований, 2000, С.391-548.
- ⁴² См. Голосов Г. *Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов* // *Полис*, 1997, N4, С.44-56; Шевченко Ю. *Между экспрессией и рациональностью: об изучении электорального поведения в России* // *Полис*, 1998, N1, С.130-138.
- ⁴³ Обзор концепций см. Здравомыслова Е. *Парадигмы западной социологии общественных движений*. СПб: Наука, 1993.
- ⁴⁴ См. Мельвиль А. *Политические ценности и ориентации и политические институты // Россия политическая* / под ред. Л.Шевцовой. М.: Московский центр Карнеги, 1998, С.136-194.
- ⁴⁵ См. Easton D. *A System Analysis of Political Life*. New York: Wiley, 1965.
- ⁴⁶ См. Пастухов В. *Власть и общество на поле выборов или игры с нулевой суммой* // *Полис*, 1999, N5, С.6-16; Петров Н. *Выборы и общество // Россия в избирательном цикле 1999-2000 годов* / под ред. М.Макфола, Н.Петрова, А.Рябова. М.: Гендальф, 2000, С.397-417.

⁴⁷ Подробный анализ см. Migdal J. *Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1988.

⁴⁸ Критический анализ см., например: Кувалдин В. Президентство в контексте российской трансформации // *Россия политическая* / под ред. Л.Шевцовой. М.: Московский центр Карнеги, 1998, С.15-70; Шевцова Л. *Режим Бориса Ельцина*. М.: РОССПЭН, 1999; Гельман В. *Сильная исполнительная власть: президент и его правительство* // *Политическая социология и современная российская политика* / под ред. Г.Голосова, Е.Мелешкиной. СПб: Борей-Принт, 2000, С.195-225.

⁴⁹ *Трансформация экономических институтов в постсоветской России* / под ред. Р.Нуреева и др. М.: МОНФ, 2000, С.102.

⁵⁰ См., например: *Гражданская культура в современной России* / под ред. Е.Шестопаля. М.: МОНФ, 1999; «Сопrotивление материала». *Международные нормативы на российской почве (доклад независимой группы экспертов)*. М.: МОНФ, 1999, раздел 1.

⁵¹ Sartori G., *Op.cit.*, P.1053.

⁵² Радаев В. *Ук.соч.*, С.212.

⁵³ См. обзор: Hall P., Taylor R. *Political Science and the Three New Institutionalisms* // *Political Studies*, 1996, vol.44, N5, P.936-957.

⁵⁴ См., например: Solnick S. *Stealing the State. Control and Collapse in Soviet Institutions*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998; Robinson N. (ed.) *Institutions and Political Change in Russia*. London: Macmillan, 2000; Smith S., Remington T. *The Politics of Institutional Choice. The Formation of the Russian State Duma*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.

⁵⁵ См. Нуреев Р., Латов Ю. «Плоды просвещения» (новая российская экономическая наука на пороге III тысячелетия) // *Вопросы экономики*, 2001, N1, С.96-116.

⁵⁶ Так, в недавно опубликованной почти 700-страничной хрестоматии по политической науке, в которую вошли 25 специально отобранных статей 24 российских авторов, ни сам неоинституционализм, ни работы этого направления даже не упомянуты. См. *Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность* / под ред. А.Воскресенского. М.: МОНФ, 2000.

⁵⁷ См., например: Кирдина С. *Институциональные матрицы и развитие России*. М.: ТЕИС, 2000.

⁵⁸ Норт Д. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

⁵⁹ Гельман В. *Постсоветские политические трансформации: наброски к теории* // *Общественные науки и современность*, 2001, N1, С.59.

⁶⁰ Россия регионов: трансформация политических режимов / под ред. В.Гельмана, С.Рыженкова, М.Бри. М.: Весь мир, 2000.

⁶¹ См. Hinich M.J. and Munger M.C. Ideology and the Theory of Rational Choice. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1994; Denzau A. and North D.C., Shared Mental Models: Ideologies and Institutions // *Kyklos*, 1994, vol.47, N1, P.3-31.

⁶² Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская Система и реформы // *Pro et Contra*, 1999, т.4, N4, С.176-197.

⁶³ См., например: Волков В. Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства // *Полис*, 1998, N5, С.39-47; Volkov V. The Political Economy of Protection Rackets in the Past and in the Present // *Social Research*, 2000, vol.67, N3, P.709-744.

⁶⁴ См. Brie M. The Political Regime in Moscow – Creation of a New Urban Machine? // *Wissenschaftszentrum Berlin fur Sozialforschung*, 1997, Working Paper P97-002.

⁶⁵ См. Matsuzato K. Progressive North, Conservative South? – Reading the Regional Elite as a Key to Russian Electoral Puzzles // Matsuzato K. (ed.). *Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World. Towards a Discipline of “Regionology”*. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2000, P.145-149.

⁶⁶ См. Рэйджин Ч., Берг-Шлоссер Д., де Мер Ж. Политическая методология: качественные методы // *Политическая наука: новые направления* / под ред. Р.Гудина, Х.-Д.Клингеманна. М.: Вече, 1999, С.735-737.

⁶⁷ См. Lopez J. Theory Choice in Comparative Social Inquiry // *Polity*, 1992, vol.24, N2, P.267-282.

⁶⁸ Об «исследовательском цикле» см. Skocpol T., Somers M. The Use of Comparative History in Macrosocial Inquiry // *Comparative Studies in Society and History*, 1980, vol.22, N2, P.174-197; о его применении к изучению российской политики см. Голосов Г. Сравнительное изучение регионов России: проблемы методологии // *Органы государственной власти субъектов Российской Федерации* / под ред. В.Гельмана и др. М.: ИГПИ, 1998, С.137-138.